



Агенты будущего



ФАНТАСТИКА

Анна Евгеньевна Горельшева родилась 18 февраля 1980 года в Колпине, пригороде Ленинграда. Она получила два высших образования — педагогическое в Герценовском и инженерное в Политехническом университетах, став специалистом в области физики, а также компьютерных систем и сетей. В 2010 году Анна, всегда мечтавшая о космосе, устроилась на работу в Центр подготовки космонавтов им. Ю.А.Гагарина. Умная, увлеченная, целеустремленная и спортивная девушка вполне могла оказаться и в рядах кандидатов в космонавты. Но эта перспектива не сможет реализоваться уже никогда: трагический случай оборвал жизнь Анны Горельшевой 3 марта 2012 года.

Мы представляем читателям один из фантастических рассказов, написанных Анной.

Анна Горельшева

Учитель колебался. То, что он собирался сделать, было в общем дурно. Вмешивать мальчишек в такое дело — значит многим рисковать. Они слишком горячи и могут все испортить.

А. и Б. Стругацкие. Полдень, XXII век

Но потом я хочу поехать в мою Вологду. И тут оказывается, что там не живут. Там, видите ли, музей.

Там же

Лето ненормально затянулось. Заканчивалась вторая неделя сентября, а лес за железнодорожной линией еще и не думал желтеть и опадать. И хоть ночи стали длиннее и прохладнее, днем солнце продолжало светить по-летнему ярко. Давно созрели мелкие яблочки-крымки и грушкидички на участках окрестных дачников, полыхала рябина, цвели астры и гладиолусы, а буйная трава на пустырях возле новостроек высохла и пропылилась, как на юге. То, что на дворе все-таки осень, угадывалось по холодным росам и туманам, особенно гулкому эху электричек ранним утром и хрустально-прозрачному воздуху днем.

Асфальт и бетон еще совсем нового, неблагоустроенного, неозелененного поселка без названия к полудню раскалялись, над дорогами колыхалось марево, а по геометрически правильным теням домов, поворачивающимся вслед за солнцем, можно было с легкостью определять время.

Дверь в квартиру не была закрыта, а на кухне играло радио и звякали столовые приборы. Славик вкатил велосипед в прихожую, тихо прикрыл входную дверь, скинул обувь и осторожно заглянул в кухню. Родители обедали — мама раскладывала гречку с котлетами, а пришедший на обеденный перерыв папа доедал суп и краем глаза просматривал разложенную на табуретке газету.

— Привет. А я хлеб принес, — сказал Славик.

— Ну, здравствуйте, — иронично проговорила мама. — Ты бы еще к завтрашнему утру его принес! Мой руки и за стол.

— Пап, а ты когда газету брал, «Юного техника» не было?

— Был, вон, на холодильнике.

— О-о-о! — Славик бросился к холодильнику, схватил журнал с ракетой на обложке. Полистал. — А, ерундовый

номер какой-то! Про космическую еду аж пять страниц за-бабахали, а в приложении — модель планера для малышни.

— Мой руки сейчас же! — Мама начала сердиться.

Славик хмыкнул и пошел в ванную, радуясь, что на этот раз, кажется, ругать за опоздание его не станут. Ему вообще-то попались нормальные, спокойные родители, но иногда и на них нападало воспитательное рвение.

Вымыв руки, он подышал на зеркало, нарисовал схематичный спутник — кружок и четыре лучика-антенки, скорчил рожу своему отражению и вернулся на кухню.

— Ну и где ты болтался? — спросила мама, ставя перед ним тарелку супа.

— За хлебом ходил.

— А щека у тебя в чем? Это ты умылся, называется? И футболка в какой-то грязи! А ну-ка, иди переоденься!

— Это не грязь, это отработка, — скользнув по лицу Славика профессиональным взглядом, поправил папа. — Опять, наверное, с великом возился.

Славик отправился в свою комнату, надел чистую футболку, грязную масляную полосу на щеке смазал маминым ланолиновым кремом и стер салфеткой. На этом, по его мнению, инцидент был исчерпан, но мама думала по-другому:

— Нет, я так больше не могу. Виктор, хоть ты ему скажи! Он уходит, когда хочет, приходит, когда хочет, дома практически не бывает!

— Ну мам! Не надо сейчас, а? — попросил Славик.

— Что — мам? Ты по хозяйству не помогаешь, где болтаешься, не рассказываешь!

— Как это не помогаю? — удивился Славик. — Я хлеб купил и молоко. И мусор всегда выношу, когда ты попросишь, и посуду мою. А не рассказываю, потому что вам не интересно.

— Хлеб он купил, молодец какой! А сдача, интересно, где?

Славик пожал плечами, полез в карман шорт и стал выгребать мелочь. Ее набралось явно больше, чем было положено сдачи с рубля. А тут еще из сломанного коробка посыпались спички.

— Ну и где ты сейчас был?

— Ну, до станции мы с Колькой смотались, а что такого-то?

— И что вам надо было на этой станции?

— Мелочь под платформой собирали, — неохотно сообщил Славик. Он предпочитал не врать без крайней необходимости.

— Господи! — Мама театральным жестом закрыла ладонью глаза. — Хулиган дворовый! Зачем тебе деньги?!

— И еще хотели в Звездный на великах смотаться, но Колька спасовал.

— На великах?! По шоссе?! Что вам там понадобилось?! — Мама набросилась на него с новой силой.

— А может, мне в этой школе не нравится. А там у меня друзья остались, бывает такое?

— Друзья? А в Москву ты в этот кружок космонавтики каждый вечер тоже к друзьям мотаешься? А двойки с тройками свои ты думаешь исправлять?!

— Успокойся, мать, — примирительно сказал папа. — Что плохого в том, что Славка увлекся космонавтикой? Проявил самостоятельность, записался в этот свой космический кружок — пусть поедит, раз есть интерес.

— Сегодня же я не поехал, — вставил Славик. — Хотя там сейчас итоги конкурса, наверное, подводят.

— Нет уж, ты мне ответь, что у тебя за друзья такие? — не сдавалась мама. — И что это за помешательство на космонавтике: два года ты в звездной школе учился, и тебе сто лет она не нужна была, а тут вдруг нате вам! И почему учебный год только начался, а на тебя уже жалуются за прогулы, отметки и плохое поведение? И зачем ты эти деньги собираешь и на что тратишь? Ты куришь, что ли?

Папа взглянул на часы — у него заканчивался обеденный перерыв, — налил себе компот и выпил стоя, быстрыми глотками.

— Я побегу, — сказал он. — Вечером договорим, ладно?

Мама отмахнулась от него и продолжала пристально глядеть на Славика.

— Ну мам, ты чего? Все у меня нормально. Я не курю, а спички для дымушек.

— Час от часу не легче! А с космонавтикой этой что у тебя за помешательство?

— Долго объяснять, — уклончиво ответил Славик, надкусил помидор и принялся меланхолично жевать.

— Начинай! — строго велела мама.

— Ну, в общем, я в лагере с очень интересными ребятами познакомился. В нашем отряде были Сергей и Саша из Москвы, из клуба юных космонавтов во Дворце пионеров. Саша ракетомоделизмом увлекается, а Сережка — радиолобитель. И я помогал Саше строить ракету, а с Сережкой мы связывались по радио с ребятами из Польши и Чехословакии. Вообще, Сережка хочет собрать радиостанцию для любительского спутника, но это, конечно, пока звучит как фантастика. А еще в «Орленке» в этом году как раз открыли свою настоящую обсерваторию. Там настоящий радиотелескоп, и я с ним учился работать, представляешь? И я вспомнил, как Димка из нашего класса, то есть из бывшего нашего, трепался про приемы запоминания расположения звезд, навигационные звезды, необычные объекты — у него отец в планетарии в Звездном работает. Меня даже в астрономическом кружке попросили лекцию провести... Ну не смейся, мам! И вообще, там очень здорово было. Когда смена закончилась, так грустно было расставаться, что некоторые девчонки даже плакали. Все поменялись адресами, собирались переписываться. А Сережа и Саша предложили мне осенью прийти в их кружок. Ну я и пришел.

— Вот как интересно, оказывается! — всплеснула руками мама. — И из-за этого ты теперь будешь пропускать уроки в школе и каждый день мотаться в Москву?

— Не каждый, а только два раза в неделю. По средам и воскресеньям. Подумаешь, один раз с биологии слинял...

— Да уж, ракеты, конечно, интересней биологии. Вы там ничего не взорвали и не сожгли с этим Сашей?

— Мам, — грустно пояснил Славик, болтая в стакане компот, — Саша — это девочка.

— И ракетомоделизмом увлекается? — поразилась мама.

— Да, и очень серьезно. Сейчас многие ракеты строят, но Шашины летают выше всех. А еще у них было летнее задание от кружка, типа конкурса проектов. Там надо было придумать, как развивать космонавтику в отсталой стране: как руководить этой страной, какие области народного хозяйства развивать, какие научные достижения использовать. Мне так эта идея понравилась, что я даже несколько книг по экономике прочитал и тоже написал проект. Но у меня не очень получилось.

Это у Сережи не голова, а Дом советов — он мне давал свою работу почитать, так ее хоть сейчас принимай как перспективный план развития какой-нибудь там Танзании на десять лет вперед. А сейчас у них... у нас в секции проводят конкурс этих работ, и победителей награждают ценными призами. Так что ты за меня не волнуйся, у меня все в порядке.

— Легко сказать — не волнуйся, — вздохнула мама. — Слава, ты хоть по другим-то предметам учишься более-менее ровно — и увлекайся на здоровье чем хочется. Или ты думаешь, что космонавтам биология не нужна?

— Не думаю, — со вздохом ответил Славик. — Я поступаю.

Вечером Славик выбрался на крышу дома. Над поселком уже сгустились сумерки, на слоистых полосках облаков в стороне Москвы, куда уходила железная дорога, остались розовые закатные отсветы. Мерцали зеленые огни железнодорожных светофоров. Единственную улицу обозначила цепочка фонарей. Окна квартир светились теплым желтым, оранжевым, зеленоватым или мерцали голубым там, где смотрели телевизор. Внизу во дворе стало уже почти совсем темно, только под козырьками подъездов зажглись лампочки, освещая небольшие площадки со скамейками, где днем сидели бабульки, а вечером собиралась молодежь.

Славик присел на не успевший до конца остыть толь, прислонился спиной к теплому бетону, расстелил звездную карту и, закинув руки за голову, стал смотреть в небо, подернутое высокой перистой облачностью.

Вот проступили почти над головой, наклоненные в сторону аэродрома, звезды Летнего Треугольника: самая яркая в северном полушарии Лира близко к зениту, Денеб — хвост Лебеда, альфа Орла Альтаир. С востока, из-за крыш, показалась Луна, живописно изрезанная антеннами и проводами. В западной части неба, где тлели закатные отсветы, проступили приметный ковш Большой Медведицы, «парашютик» Волопаса с ярким красноватым «парашютистом» Арктуром и компактная дуга Северной Короны. Млечный Путь еще не был виден, но уже показалась вся крестовина Лебеда, приметные очертания Кассиопеи и Персея, обозначившие его положение...

С лестницы послышался шорох, на крышу упал кругляшок света от карманного фонарика, в дверном проеме показался темный силуэт, и Колькин голос позвал:

— Славка! Ты здесь?

— Ну! — отозвался Славик, заслоняя рукой глаза. — Что случилось?

— На стройку карбид привезли! Пошли завтра перед уроками, пока там смена не началась?

— Давай, — согласился Славик.

— Зайдешь тогда за мной в полвосьмого? Нет, лучше в пятнадцать минут!

— Ага.

— А ты чего здесь сидишь?

— Так... На звезды смотрю.

Колька вздохнул и сел рядом.

— Колька, слушай, дело есть. Мне надо будет в среду опять с биологии слинять. Прикроешь?

— А как я тебя прикрою?

— Ну, скажи, например, что у меня номерок к зубному.

— Я-то скажу, — пожал плечами Колька, — только вряд ли мне поверят.

Они помолчали. Приглушенно бормотало радио из чьей-то раскрытой форточки, да шумели деревья внизу. В сторону Чкаловского один за другим низко пронеслись

четыре «Мига», от рева их двигателей заложило уши. Ребята проводили глазами темные стреловидные силуэты с габаритными огнями на крыльях.

— У них ночные полеты по четвергам и воскресеньям, — пояснил Колька.

— Ага. Я знаю.

— А в Звездный мне родители не разрешили с тобой ехать, — помявшись, сообщил Колька. — Говорят, что папа как-нибудь на выходных меня свозит. Но то когда еще будет...

— А хочешь — сейчас Звездный увидеть? — вдруг спросил Славик.

— Как это?

— Смотри. — Славик вскочил, потянул за собой Кольку и показал на северо-запад, где за домами, за железной дорогой, за темной полосой леса светились далекие огоньки окон. — Да погаси ты свой дурацкий фонарик!

— Ой. Это уже Звездный?

— Ага. Вот видишь, справа огоньки в высоких домах? Это космические дома — второй и четвертый, они самые первые в городке, там живут почти все космонавты со своими семьями. Еще правее, за забором, — служебная территория Центра подготовки космонавтов, там разные тренажеры. Только его сейчас не видно, ночью ничего не светится, наверное. А левее, ближе к нам, аллея Космонавтов. Она ведет к Дому офицеров, ее еще Бродвеем называют, мимо памятника Гагарину рядом с космическими домами — туда все экипажи обязательно после полета приходят цветы возлагать. А потом идут в Дом офицеров на послеполетную конференцию. Рядом две пятиэтажки, точно как наша, их отсюда не видно, и магазин. А вот те огоньки поближе — это два длинных девятиэтажных дома. Огромные, по тысяче человек живет, наверное. И еще парк с озером. А на берегу профилакторий, там космонавты отдыхают после полета.

— Вот это да-а-а! — протянул Колька. — Класс. Я и не знал, что с нашей крыши Звездный видно. А ты где жил, твой дом виден?

— Не. Он в лесу, на самой окраине городка, и невысокий. Там все время строят новые дома, почти что прямо в лесу. И раньше Звездный городок назывался Зеленым. Он и вправду очень зеленый.

В среду вечером после занятий Славик с Сережей и Сашей вышли из стеклянно-бетонной современной коробки Дворца пионеров. Сережка солидно выступал, стараясь не размахивать по привычке ультрамодным чемоданчиком-«дипломатом», Саша несла на ремешке через плечо картонный футляр для чертежей, где помещались детали ее новой ракеты, а Славик шел налегке, болтая сумкой со сменной обувью.

Они шли к метро по улице такого же новенького микрорайона Москвы. Одинаковые чистенькие панельные девятиэтажки улучшенной планировки еще не успели обрасти зеленью, жильцы не остеклили свои балконы и не выставили туда всевозможные ненужные вещи.

— Все-таки в «Орленке» люди сильно меняются, — сказал Сережка, нескладный белобрысый подросток. Внешне он мог бы сойти за зубрилу-очкарика, если бы ко всему прочему не имел первый юношеский разряд по самбо. — Я орлятских где хочешь отличу.

— Ага, — согласился Славик. — Там все... как в кино показывают, только все по-настоящему. И военные игры серьезные, и ребята по-настоящему дружат и работают вместе, а не только нудные сборы проводят. Я бы и в следующем году туда поехал. Но вряд ли папе снова путевку для меня дадут.

— Да уж, это как повезет, — подтвердила Саша, голубоглазая девочка со смешными русыми кудряшками.

— А космические проекты там каждый год бывают?

— Скажешь — космические! — фыркнул Сережка. — В каждой дружине свои проекты. Но в «Звездной», конечно, интереснее всего.

— А почему итоги конкурса до сих пор не подводят? Я думал, уже в воскресенье все известно будет. А сегодня вообще с последней биологии слинял, чтобы узнать, что у вас тут творится.

— Переживаешь? — ухмыльнулся Сережка.

— Вот еще! Интересно просто.

— Артемий Николаевич что-то грандиозное готовит, — пояснила Саша. — Он в прошлый раз проговорился про какую-то экскурсию.

Темнело, в новостройках загорались окна, зажглись фонари. Ребята некоторое время шли молча, любясь вечерним городом.

— А у меня в «Орленке» несколько раз было такое ощущение, что хоть я и на берегу Черного моря, но мой дом где-то совсем рядом, — вдруг сказала Саша. — И можно дойти пешком. Ну, или доехать на автобусе. У вас не бывает такого?

— Еще как бывает! — с жаром воскликнул Сережка; сразу можно было догадаться, что он сейчас что-нибудь отмочит. — Вот смотри, идем мы сейчас мимо этого дома, да? А мой — точно такой же, и школа у меня точно такая же, как вот та во дворе, только мне до них почти час на метро пилить!

— А мне иногда кажется, что можно в будущее прийти, — сказал Славик. — Идешь так себе, идешь, и тут — бац! — Уже в двадцать первом веке. Вокруг прозрачные небоскребы, между ними вьется монорельс, флаеры летают, на огромном телеэкране хоккейный матч с Урана транслируют...

— Ага, с трехчасовой задержкой, — фыркнул умник Сергей. — Мне бы вот хоть ма-а-ахонький радиолюбительский спутничек запустить! Не надо к Урану, я километров на сто от Земли согласен.

Они вошли в прозрачный павильон метро, Сережка разменял в автомате пятнадцать копеек, раздал всем по пятаку на проезд. Ребята сбежали по эскалатору, не обратив внимания на окрик дежурной, и выскочили в светлый подземный вестибюль.

— Ребята, слушайте, а ведь инженерам и строителям метро тоже радиоэлектроника нужна, — вдруг заявил Сережка, глядя на вылетающий из тоннеля поезд.

— Конечно, нужна, — согласилась Саша. — Она сейчас везде нужна. А что?

— Да вот, думаю, тоже ведь интересная профессия. Я еще не решил твердо, кем хочу быть. Космонавтом, конечно, интересно, но ведь и много другого интересного есть...

— Космонавтом лучше всего, не сомневайся, — твердо сказала Саша. — Там надо многое знать и уметь, и все твои увлечения пригодятся.

Славик слушал их разговор молча, и ему было немного стыдно, что он не только ничего не решил относительно своей будущей профессии, но даже никогда серьезно и не думал об этом. Писал в школе сочинения — каждый год разные: хотел быть то летчиком, то журналистом-международником, то строителем, то археологом. Но невозможно было представить, что занятия, которые тебе нравятся, смогут когда-нибудь стать частью твоей взрослой специальности.

С конкурсной работой Славiku ужасно не повезло: она заняла «почетное» тридцать седьмое место. Это было тем более обидно, что его друзья заняли места в первой десятке. Каждого из первых десяти счастливицев наградили почетной

граммой и книжкой Реброва с автографами космонавтов, второй десятке подарили по альбому с марками серии «Космос», а третьей — по капиллярной ручке с гравировкой «Союз», точно такой, как использовали космонавты на орбите. Утешаться можно было только тем, что всего в конкурсе участвовали около трехсот школьников из разных космических кружков Москвы и Подмосковья.

А еще Артемий Николаевич, руководитель их кружка и председатель жюри, в прошлое воскресенье обмолвился о сюрпризе для победителей — экскурсии в какое-то интересное место.

— Как думаешь, куда повезут? — с азартом прошептала Саша, обернувшись к Славiku.

— В музей, может, на ВДНХ. — Славик выбрал самый неинтересный для себя вариант. — Или в Планетарий сводят.

— Да ну, скажешь тоже — в музей! Туда каждый и сам по себе ходит. А если в Планетарий — так это вообще издевательство какое-то! Нет, нас наверняка в какое-нибудь место поинтереснее повезут.

— Вас-то повезут! — вздохнул Славик.

— Да не переживай ты! — Сережка хлопнул его по плечу.

— Ну, не повезло, всякое бывает. Вот, возьми книжку, если хочешь. Давай она у нас будет общая.

— Спасибо, — понуро ответил Славик. — Пока не надо, я у тебя потом как-нибудь попрошу.

— Ну, так куда, ребята?

— Уж точно не в музей и не в Планетарий!

— А куда, по-твоему? — фыркнула Саша. — На Байконур, что ли?

— На Байконур — не на Байконур, а в Калининград — очень может быть. В ЦУП. И в Дом-музей Королева.

— Да уж, сейчас, разбежался! — хихикнула Саша. — В ЦУП, конечно. Заждали нас там, прямо работать без нас не могут, сеансы связи откладывают!

— Тс-с-с! — шикнул Сережа. — Тихо!

Артемий Николаевич закончил поздравительную речь, и, пока ребята аплодировали победителям, он о чем-то советовался с космонавтом, одним из членов жюри. Космонавт ободряюще покивал, и Артемий Николаевич, дождавшись тишины в зале, объявил:

— Мы решили наградить нашу великолепную двадцатку победителей очень интересной поездкой. В это воскресенье они отправятся на экскурсию в Звездный городок!

Зал снова зааплодировал, а Славик с облегчением вздохнул:

— Фу-ты ну-ты! А я-то думал!

Саша и Сергей посмотрели на него в недоумении:

— А тебе что — не хочется туда съездить?

Тут настала очередь Славика торжествовать:

— Ха! — стараясь придать голосу максимум безразличия, откликнулся он. — Да я там живу!

— Ты живешь в Звездном? — Сережка от изумления растерял всю свою солидность, и даже очки не спасали.

— Не совсем. В поселке аэродрома Чкаловский, Щелково-четыре, это на одну остановку ближе к Москве. А в Звездном мы еще весной жили, в общежитии. А потом нам отдельную квартиру дали.

— Выдумываешь! — вырвалось у Саши.

— Могу в гости пригласить, если не верите, — с достоинством ответил Славик.

— А чего ж ты не рассказывал никогда? — почти жалобно спросила Саша.

— А расположение Звездного городка — это вообще-то военная тайна, — спокойно сообщил Славик.

— Я вас выгоню! — Главный, как между собой называли его сотрудники, ударил ладонью по столу с таким ожесточением, что заставил подскочить антикварный письменный прибор. — К чертовой матери! По шпалам! Без выходного пособия!

Человек, стоявший перед Главным, тяжело вздохнул и с независимым видом заложил руки за спину.

— Вы хоть понимаете, что последствия могут быть непредсказуемыми? Вижу: не понимаете. Очень жаль. И почему вас все время тянет именно к космонавтике? Это ведь совершенно не ваш профиль, Артемий Николаевич. Комплексы у вас, что ли, какие-то?

— Я в детстве мечтал стать космонавтом... — Получилось жалобно и безнадежно. — А стал, сам видите кем — корректором.

— Наблюдателем, — жестко поправил начальник и не упустил возможности съязвить: — А что ж это вы так?

— А какая у нас сейчас космонавтика? К звездам до сих пор не летаем. Да что там к звездам — до Марса-то как следует не добрались. Орбитальный туризм только и развивается. А сто лет назад люди о чем мечтали? Города на орбите, научные базы на Луне...

— Яблони на Марсе, — подсказал начальник. — Но зачем этот детский космический конкурс было затевать в семьдесят пятом году? Предложили бы идею тут у нас, в городском Доме творчества юных, какая разница?

— Принципиальная, — терпеливо объяснил наблюдатель. — В семьдесят пятом у детей был огромный энтузиазм, солидный запас знаний — в общем, завидный потенциал. Теперь же единицы космонавтикой увлекаются. А тогда это было массово, понимаете? Вот этим массовым подъемом не смогли правильно воспользоваться, упустили шанс, ушло всё, как вода в песок. А мы сейчас можем сделать то, что не удалось нашим предкам: подхватить и использовать их вдохновение космонавтикой.

Начальник, не глядя на Артемия Николаевича, молча тыкал стилусом в сенсорную панель, его лицо не выражало никаких эмоций.

— Между прочим, ребята предложили очень интересные проекты. И я их передам нашим социологам и экономистам. С санкции руководства института, конечно...

Главный в упор уставился на сотрудника. В его взгляде было неподдельное бешенство.

— Раньше надо было с руководством согласовывать! До того как! Что вы им в условиях конкурса наговорили: на развал СССР намеки были?!

— Что вы, Михаил Анатольевич! Какие намеки! Абстрактная страна третьего мира с неразвитой экономикой, запущенной промышленностью и практически не функционирующим сельским хозяйством, наука в плачевном состоянии... И надо вывести ее в космос. Очень актуальная задача для эпохи развитого социализма. Никакого развала СССР! Да как могло в голову в то время что-то подобное прийти! Что же я, не понимаю, что ли?

— Вот именно: не понимаете. И зачем мы вас только на это место и в это время направили? Педагог!

— Да, первое образование у меня педагогическое.

Главный косо взглянул на него и спросил в коммуникатор: — Китаев, на участке 1975-10-Д как обстановка? С учетом... гм... последствий крайнего ЧП?

С полминуты он слушал доклад сотрудника аналитического отдела — и вроде бы остался удовлетворен: просветлел лицом, несколько раз благосклонно кивнул.

— Спасибо, Алексей. Сможете сегодня подготовить подробный отчет? Отлично, благодарю... М-да, пока что явных последствий вашей подрывной деятельности не выявлено.

— Тогда я могу вернуться к работе?

— Не торопитесь. Значит, так, Артемий Николаевич. Давайте договоримся: вы возвращаетесь к своему заданию и продолжаете работу в соответствии с инструкцией наблюдателя. Подчеркиваю: в соответствии с инструкцией! Обо всех планах экспериментов, буде таковые у вас зародятся, докладываете мне — лично!

— Принято.

— И попрошу без этой обреченности, — недовольно заметил начальник. — Не нравится — никто вас тут не держит. Идите устраивайтесь... космонавтом.

— Ну, а кто узнает это созвездие? — Артемий Николаевич, сдвинув очки на лоб, поставил новый слайд.

Саша неуверенно предположила:

— Скорпион?..

— Не гадать! Кто точно назовет?

— Дева, — хладнокровно заявил Славик, выдержав подобающую паузу. — Альфа — навигационная звезда Спика первой звездной величины, затменно-переменная двойная система. В созвездии на данный момент находится точка осеннего равноденствия, из интересных объектов — скопление галактик и доступный для наблюдения любительским телескопом квазар двенадцатой звездной величины.

Саша сердито прошептала:

— Выведите его кто-нибудь! Он как по книжке читает, так не интересно!

— Отлично, Слава! — похвалил учитель. — А вот вам еще задачка...

Дверь приоткрылась, на парты упала узкая полоска света из коридора.

— Артемий Николаевич! Я извиняюсь, вас к телефону! Срочно! Говорят, из Звездного городка.

— Из Звездного? — Артемий Николаевич нахмурился. — Слава, подмени меня, пожалуйста. Я быстро.

Славик с гордым видом прошествовал к диаскопу и стал копаться в коробочке, выбирая слайд поинтереснее, а Артемий Николаевич, провожаемый любопытными взглядами, быстро вышел из класса.

Звонил космонавт, который был в комиссии на недавнем конкурсе работ и пробивал экскурсию в Звездный для победителей. Вариант и легко осуществимый, и в то же время интересный. До Звездного от центра Москвы полтора часа на машине, но это закрытый город, поэтому москвичи хоть и подозревают, что это «где-то у нас», но где именно, в основной своей массе не знают.

— Артемий Николаевич, вы меня извините, но с экскурсией в субботу ничего не получится. К нам завтра едет кубинская делегация, экскурсии до конца недели не принимают.

— Что же делать? — растерялся Артемий Николаевич. — Ребята так ждут!

— Извините, — повторил космонавт. — К сожалению, от меня это не зависит.

Ребятам Артемий Николаевич в тот вечер ничего не сказал, решил сначала всё хорошенько обдумать.

Отменить экскурсию — лишить победителей честно заслуженной награды. Перенести? Но дорога ложка к обеду, как говорится. Заменить эту экскурсию чем-то равноценным? Но чем?..

Решение пришло под утро. В девять, как только начался рабочий день, он связался со своим старым приятелем.

— Миша, такое дело, выручай! У меня тут двадцать ребятшек плюс два-три сопровождающих. Очень надо в Звездный на экскурсию свозить.

— Так в чем проблема? — удивился институтский товарищ, ныне сотрудник города-музея Звездного. — Хоть сейчас привози.

— Видишь ли, Миша, есть нюанс... Ну, ты знаешь, что я сейчас в семьдесят пятом году, тысяча девятьсот, то есть наблюдателем.

— Конечно, — с легким недоумением ответил Михаил.

— И по совместительству веду космический кружок у местных пионеров.

— Ах, вот оно что! Понятно, понятно. — На самом деле ему было не совсем понятно, но Артемия он давно знал как большого фантазера.

— Сможешь нам портал организовать или это сложно? Я хотел прямо там экскурсию заказать, но мне зарезали ее — кубинская делегация, видите ли! Да и сложно там с этим — город закрытый... — Артемий Николаевич вошел во вкус и начал для правдоподобия добавлять несуществующие трудности.

— Да конечно, приезжайте! — сказал Михаил. — Портал организовать можно, только по дополнительному согласованию.

— Понимаю, — согласился Артемий Николаевич.

В воскресенье счастливые победители конкурса, которых среди кружковцев оказалось аж трое — Сергей, Саша и Володька из пятидесят первой школы, — спустились во двор ждать автобуса в Звездный. Там уже собрались остальные победители, из других районов Москвы и Подмосковья.

Славика отнюдь не обрадовал тот факт, что он освободился почти на два часа раньше положенного. Во-первых, он чувствовал себя не у дел после провала на конкурсе. Во-вторых, в расписании электричек как раз был перерыв, и домой раньше обычных трех часов дня ему все равно было не добраться.

— А ты сам, когда жил там, видел то, что нам сегодня будут показывать? — полюбопытствовала Саша. — Центрифугу, например?

— А то! — Славик скромно умолчал о том, что центрифугу он видел только снаружи. — Нас и на встречи космонавтов водили, и на экскурсии в ЦПК.

— Да уж, — вздохнула Саша. — Везет звездным школьникам.

Во двор въехал бело-голубой «львовский» автобус со знаком «Осторожно, дети» у лобового стекла, и лучшие школьники Москвы и Подмосковья с радостными воплями кинулись к нему.

И тут Славика осенила блестящая идея.

— Ой, а я с вами поеду! — воскликнул он. — Мне же оттуда до дома полчаса пешком. А так мне электричку еще два часа ждать.

— Ты смотри, в Звездный тебя не пустят, — предупредил Сережа. — На тебя пропуск не заказан, а на въезде всех проверять будут.

— Меня не пустят?! С местной-то пропиской?! — засмеялся Славик. — Да и вообще я туда не собираюсь, чего я в Звездном не видел.

Ребята зашли в автобус и устроились на свободных местах в конце салона. За ними поднялись Артемий Николаевич и незнакомая пионервожатая, пересчитали ребят по головам (Славик предусмотрительно пригнулся) и устроили переключку. Отсутствующих не нашлось.

— Ну как, все готовы? — преувеличенно бодро спросил Артемий Николаевич. — Тогда, как говорится, поехали!

Сначала за окнами мелькали районы новостроек, потом вдоль шоссе потянулись совхозные поля, перемежавшиеся перелесками. Меньше чем через час автобус свернул на Чкаловское шоссе, лихо проскочив мимо железнодорожной платформы и похожего на модную чеканку указателя на Звездный городок.

— Во, смотрите, смотрите! — показывал в окошко Славик. — Это поселок Щелково-три, тут первых космонавтов селили, когда еще Звездный не построили. И Гагарин тут жил. А следующий — наш поселок.

Дорогу обступил сосновый лес, слева промелькнул еще один указатель. Внезапно автобус подбросило, как на ухабе. Ребята радостно зашумели.

— Да что ж за ерунда! — удивился водитель. — На ровном месте!

Артемий Николаевич с облегчением вздохнул и слегка улынулся в ответ:

— Бывает...

Автобус замедлил ход у здания с надписью «ЦПК им. Ю.А.Гагарина» и остановился у шлагбаума КПП. Артемий Николаевич выскочил из автобуса, навстречу ему из бюро пропусков вышел военный, козырнул и спросил о чем-то, за ним появилась женщина с картонной папкой. Пока они что-то там обсуждали и сверяли, Славик рассматривал здание бюро пропусков. Он не видел его с весны и не мог понять, что в нем изменилось. То ли шрифт надписи стал другой, то ли голубые елочки за лето подросли...

Потом военный разрешающе махнул рукой в сторону будки на КПП, Артемий Николаевич с женщиной поднялись в автобус.

— И все? — удивленно прошептал Славик. — А вы говорили — проверять будут, по головам считать!

Сережка недоуменно пожал плечами.

Женщина постучала по микрофону и объявила:

— Здравствуйте, ребята! Меня зовут Татьяна Михайловна, я экскурсовод, и сегодня мы с вами осмотрим Звездный городок!

Автобус остановился на центральной площади у памятника Гагарину, и ребята, высыпали на аллею Космонавтов, выложенную шестиугольными бетонными плитками. Славик остался в стороне, прикидывая, как бы улизнуть. Когда первый восторг от встречи со Звездным несколько улегся и экскурсовод начала рассказ о «нашем замечательном городе», он незаметно отступил за автобус и по диагональной дорожке между «космических» домов направился в сторону своего поселка.

Дырки в бетонном заборе, которой Славик пользовался последние два года, не было. Ее даже не заделали, а просто заменили плитку целиком. Через КПП Славику идти не хотелось, и он перелез через забор. Вторым сюрпризом оказалось полное отсутствие широкой тропы, ведущей через лес к железной дороге. Как она могла полностью зарости за лето, было непонятно. И заблудиться Славик тоже не мог, он ходил здесь сто раз. Пришлось продираться через лес.

Последний удар ждал Славику у железной дороги.

Ее не было.

За прозрачным ограждением протянулись несколько блестящих полос монорельса, по которым стремительно и бесшумно навстречу друг другу проскочили два обтекаемых состава. Разглядеть их в подробностях не представлялось возможным из-за космических скоростей. Привычного Щелкова-4 тоже не было, над лесом высились зеркальные башни-небоскребы, купола и ажурные ферменные конструкции. Примерно так изображают города будущего на обложках журнала «Техника — молодежи».

Славик несколько раз закрыл и открыл глаза, потряс головой, постучал ладонью по прозрачной упругой стенке, однако наваждение не исчезало. В сторону Москвы пронесся еще один высокоскоростной поезд.

Тогда Славик развернулся и, не разбирая дороги, бросился обратно.

Он оставил ребят возле памятника Гагарину примерно час назад, и наверняка после традиционной вводной их повели на экскурсию в музей. Значит, скоро они оттуда выйдут и пойдут смотреть тренажеры на служебной территории.

Расчеты оказались верными: на аллее Космонавтов он догнал группу, возглавляемую Артемием Николаевичем и женщиной-экскурсоводом. Подождал, пока пионервожатая обежит вокруг колонны с криками: «Не растягиваться! По-организованнее!», заметил среди ребят Сашу и Сергея и незаметно затесался в толпу.

— Привет! Там такое, такое!..

— Ой, Славик, — обернулась к нему Саша, — ты же вроде домой пошел?

— Пошел, — подтвердил Славик. — А там нашего поселка нет — на его месте небоскребы, монорельсовый поезд...

— И флаеры летают, — иронично закончил Сережка.

— Флаеров не видел, — растерянно проговорил Славик.

— Давайте я вас туда отведу, и вы сами посмотрите.

— Может, потом? — предложила компромисс Саша. — Экскурсия очень интересная!

— А вдруг оно исчезнет?

— А вдруг ничего и не было? — ехидно спросил Сергей. — Тебе не интересно — так не мешай другим, понял!

— Не отставать! — крикнула сзади пионервожатая. — Проходим, проходим, побыстрее!

Группа остановилась на центральной площади служебной территории ЦПК, между зданиями центрифуги, планетария и корпусом с тренажерами космических кораблей и орбитальных станций.

— Итак, ребята, внимание! Скоро мы с вами осмотрим уникальные космические тренажеры, побываем в зале, где находятся макеты космического корабля «Союз» и орбитальной станции... А кто мне напомнит, какая станция сейчас у нас на орбите?

— «Салют-четыре»! — радостно воскликнули сразу несколько голосов.

— «Союз»-«Аполлон», — буркнул Сережка себе под нос.

— Правильно, молодцы! Но обо всем по порядку...

— Ребята, она же долго так будет, — шепотом сказал Славик. — Минут пятнадцать, как пить дать. Мы успеем сбежать и выглянуть за забор. Оттуда должно быть видно монорельс. И вернемся, как раз когда вас в центрифугу поведут.

Сережка посмотрел на него уничтожающим взглядом.

— А сейчас она спросит, кто недавно летал, — продолжал Славик.

— Ребята, а кто мне подскажет, что за экипаж у нас в конце лета вернулся с орбитальной станции?..

— А черт с тобой, побежали! — сдался Сергей. — Саша, ты с нами?

Они незаметно отступили к стене ближайшего здания и пробежали вдоль аллеи молоденьких туй, вынырнули во дворе медицинского управления и проскочили по лесной тропинке среди сосен к зданию штаба.

— Смотрите по сторонам, — на бегу предупредил Славик. — Сюда экскурсии не водят. Вот это штаб, здесь сидит все начальство ЦПК. А это главная парадная аллея, по ней въезжают международные делегации.

— Я это место сто раз телевизору видел! А вот памятник, возле которого космонавты фотографируются!

— А вот памятная стела в честь десятилетия первого космического полета! — обрадовалась Саша.

Тут Славик резко остановился.

Забора здесь не было, и выглядывать было некуда. Зато была еще одна стела — из голубоватого чуть светящегося

материала. Наклонная плита, испещренная датами стартов и посадок, названиями летательных аппаратов и фамилиями экипажей. Среди декоративных кустиков и цветочных клумб стояли модели космической техники или, может быть, даже реально летавшие аппараты — в натуральную величину. Сначала — знакомые «Востоки» и «Союзы», дальше — свободно раскинувшие солнечные батареи «Салюты», а еще дальше — что-то уже совершенно футуристическое.

— Что это? — тихо, с изумлением спросила Саша.

— Ого, я и не знал, что тут такие места есть! Сюда тоже экскурсии не водят?

— Сюда уж точно не водят, — угрюмо подтвердил Славик.

Он медленно двинулся вдоль голубоватой плиты, читая имена, даты и проводя ладонью по обшивке космических аппаратов.

— Да тут целый музей под открытым небом! — восхищенно заметила Саша. — Причем на сто лет вперед, как минимум! Может, тут фантастическое кино снимают?

— Да уж, кино! — криво усмехнулся Славик. — Сходите, полюбуйтесь на поезда. Хорошее кино.

— А что, и ходим! — заявил Сережка. — Пошли, Саш!

— Только недолго, — предупредил Славик. — А то в центрифугу не попадете.

Ребята убежали по дорожке, посыпанной мелкими разноцветными камешками, и быстро вернулись.

— Да! — с чувством сказал Сергей. — Извини, друг, что сразу не поверил.

— А станции там впереди какие! С два футбольных поля, наверное! — сообщила Саша. — Такие в двадцать первом веке летать будут. Международные.

— Сечете, ребята? Выходит, мы правда в будущее попали, — сказал Славик.

— Фиговое будущее какое-то, если честно! — пожал плечами Сережка. — Смотри, что тут написано: мы на Луну в этом столетии не полетим. И американцы тоже не полетят. А на Марс — вообще первая экспедиция будет только в сороковых годах следующего века. А в двухтысячном году знаешь, какая орбитальная станция будет летать? Международная космическая. Одна, представляешь? И там человек шесть экипажа, и всё.

— Быть не может! — удивленно сказала Саша.

— В двухтысячном году «Союзы» летают! — прочитал Сергей. — Те же корабли, та же ракета-носитель! Ой, да они и дальше летают!.. Ой-ой-ой!

— Смотрите, в две тысячи третьем году китайцы на своем корабле в космос полетят! А у американцев с две тысячи одиннадцатого года почти пять лет своего корабля вообще не будет...

— А я вас расстрою, ребята, — вдруг сказала Саша. — Мы с вами космонавтами не станем. Тут нет наших фамилий. Никого из нас.

— Точно? Совсем никого? — обескураженно спросил Сергей.

Саша кивнула.

Они в растерянности стояли у монумента, вчитываясь в хронику еще не наступившей, но уже беспощадной истории.

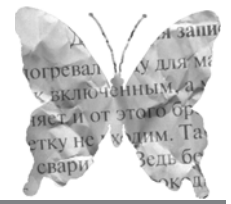
— Знаешь, не обязательно же быть космонавтом, — подумав, сказал Славик. — Например, ты можешь стать знаменитым конструктором ракет, а Сережка — проектировщиком сверхмощных бортовых вычислительных машин...

Саша тихо указала вперед:

— Смотрите.

По аллее к ним быстро шел — да что там, почти бежал — Артемий Николаевич.

Руководитель кружка остановился в нескольких метрах от них, а ребята стояли, потупившись, как будто их застigli на месте преступления.



ФАНТАСТИКА

— Вот вы где! — наконец, выдохнул Артемий Николаевич. — А мы вас везде ищем.

— Мы не специально, извините нас, — сказала Саша. — А здесь правда будущее?

— Правда, — тихо и твердо ответил Артемий Николаевич.

— И это все правда? — Сережка, мотнув головой в сторону стелы.

— Да, — подтвердил учитель.

— Значит, так все и будет?

Артемий Николаевич подумал, снял и протер носовым платком очки, потом ответил:

— Нет. Не обязательно. — Он взял Сашу и Славика за руки. — Пойдемте. Нас ждут.

Славик до последнего момента, выворачивая шею, оглядывался на монумент, пока тот не скрылся за поворотом аллеи. Сережка вдруг спросил:

— А нам теперь память сотрут или как там у вас положено?

— Ничего подобного! — с неожиданной веселостью возразил Артемий Николаевич. — Наоборот. Вы теперь видели и знаете, как может быть.

— Да, жаль, — произнес Главный. — Очень жаль, Артемий Николаевич, что вы решили уволиться. Все-таки почти десять лет у нас проработали. Вы один из лучших корректоров нашего института, без преувеличения. И особенно важно, что вы специализируетесь в той сфере деятельности, с которой знакомы на практике, которой посвятили... Напомните, пожалуйста, как долго вы работали в космосе?

— Без малого двенадцать лет.

— М-да. Где мы теперь еще найдем такого специалиста!.. Если не секрет, куда вы уходите?

Сожаление в голосе обычно сурового начальника тронуло Артемия Николаевича, и он не сразу нашелся что ответить. Главный истолковал его замешательство по-своему:

— Не хотите преждевременно озвучивать? Понимаю. До меня тут дошли слухи... контрразведка, если можно так выразиться, донесла, что в Роскосмосе готовят проект строительства космодрома на одном из спутников Нептуна. Так? — начальник вопросительно посмотрел на собеседника.

— Нет, не совсем туда, — ответил Артемий Николаевич. — То есть совсем не туда.

— Тогда куда же?

— Во Дворец детского творчества, руководителем кружка. Кажется, я наконец понял, в чем мое призвание.

— Вы шутите?! — воскликнул Главный.

— Совсе нет, — ответил Артемий Николаевич. — Космонавтика, экспериментальная историческая коррекция — это, конечно, очень важные направления. Но воспитание, пожалуй, важнее.

